

Антонина Сошина

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА СОЛОВКАХ

«Среди исправдомов Союза Соловки стоят на одном из первых мест по количеству культурных сил».
Газета «Новые Соловки». 31 мая 1925 г.

В послереволюционные годы творческая интеллигенция страны также оказалась в числе гонимых, жила очень трудно, влачила нищенское существование. Над ней осуществлялся особый контроль, поскольку вся она была призвана служить на «идеологическом фронте» нового государства. Литература, изобразительное искусство, театры, музеи должны были утверждать и пропагандировать новую идеологию во всех ее проявлениях. Формируя тоталитарный режим, власти стремились к абсолютному контролю над всеми сторонами жизни, и, конечно, в первую очередь над культурой. Для этого был создан целый ряд органов, велась жесткая политическая цензура печатных изданий, контролировался за репертуаром театров, из экспозиций музеев изымалось все, что казалось идеологически вредным. В искусстве все позиции твердо занял «социалистический реализм». В таких жестких рамках любое свободомыслие воспринималось как контрреволюция. Тысячи деятелей культуры были репрессированы, русская национальная культура понесла невосполнимые потери.

Через сравнительно небольшой лагерь и тюрьму на Соловках с 1923 по 1939 г. прошли сотни представителей творческой интеллигенции — и тех, чьи имена сегодня хорошо известны, и тех, кто незаслуженно забыт, или чье творчество, а иногда и жизнь были оборваны в самом начале. В лагере интеллигенции было особенно трудно: она ощущала на себе особое, часто предвзятое отношение как со стороны администрации, так иногда и со стороны самих заключенных, была не приспособлена к тяжелому физическому труду, обостренно воспринимала всё происходящее вокруг.

Читаем в газете «Соловецкие острова»: «Одно только наличие концентрации на территории небольшом кусочке земли — такого громадного количества культурных сил и, притом, высококвалифицированных культурных сил, открывают двери для гигантского развития культурно-просветительной деятельности лагеря. И мы уже сейчас в этом отношении видим следующие достижения: хорошо оборудованный театр с определившимся уже наличием довольно крупных артистических сил, струнный оркестр, несколько певческих хоров... хорошо развита местная пресса»¹; «Среди заключенных большое количество лиц с высшим образованием. Немало артистов-профессионалов, музыкантов, художников, литераторов...»²; «Старые и молодые наши литераторы, поэты, художники, научные работники, инженеры, агрономы, наборщики, печатники, одним словом — все те, кто делают журнал, работают и сотрудничают в нем — всё это заключенные Соловецких лагерей»³.

¹ Соловецкие острова. 1925. № 4–5. С. 41.

² Соловецкие острова. 1926. № 5–6. С. 119.

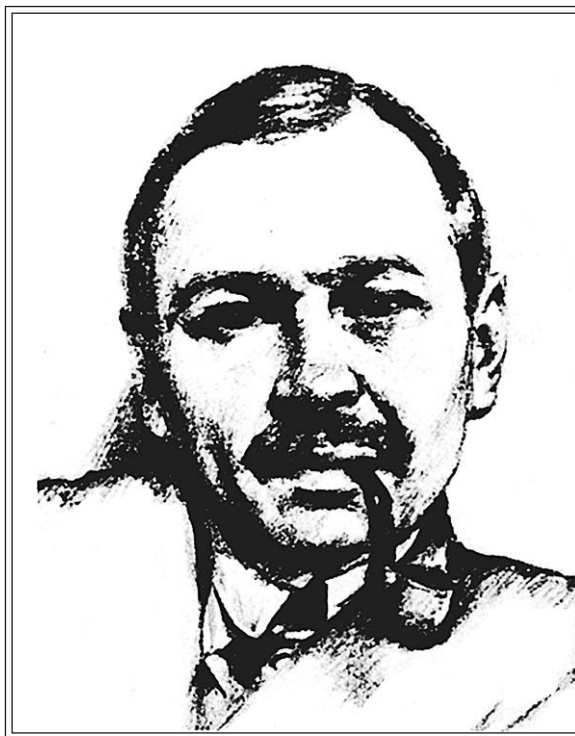
³ Там же. С. 225–227.

В этой же газете формулируется и отношение к интеллигенции: «Возьмем нашу культурно-просветительную работу: клуб, кружки, театр, нашу трибуну. Кто читает лекции и доклады? — Буржуазные интеллигенты, каэры. Кто играет на сцене, кто играет крупную роль в наших театральных выступлениях? — Буржуазные интеллигенты и каэры. Кто, наконец, руководит нашей научной мыслью? — Буржуазные интеллигенты и каэры. И вот эта богема, растерявшая свои идеи, программы и платформы, нас учит. Эта богема может быть использована лишь как техническая сила, ей нужно указать свое место, определить грани и предъявить определенные программные требования, тогда она будет на месте. За ней нужен зоркий критический взгляд... Их перевоспитать может только лагерный режим... Они будущее сумеют обрести, лишь пройдя суровую школу принудиловки, учась в ней жить и работать, а не у других жить и мыслить»⁴.

В июне 1924 г. в Петрограде был арестован и осужден на три года Соловков известный художник, профессор Академии художеств Осип Эммануилович Браз (1873–1936). Его друзья и коллеги в многочисленных ходатайствах пытались объяснить властям значение Осипа Эммануиловича для русской культуры: «Браз является одним из крупных русских художников, произведения которого имеются во всех не только наших, но и зарубежных музеях. Но главное его значение — это знаток европейского искусства, главное — голландской живописи... Знания его неоднократно приносили неоценимые услуги как эксперта... Фигура Браза среди историков искусства имеет мировое значение»⁵. М. Волошин в своем ходатайстве о художнике писал: «Это один из лучших русских портретистов и, после Бенуа, — лучший знаток старой живописи в России»⁶. В подтверждение слов М. Волошина можно сказать, что портрет А.П. Чехова кисти О. Браза, ныне хранящийся в Государственной Третьяковской галерее, считается лучшим портретом писателя. Но все ходатайства остались без внимания.

Причиной ссылки О.Э. Браза послужило то, что директор воздухоплавательного немецкого общества «Юнкерс» пригласил его экспертом по оценке художественных ценностей, которые советские власти предполагали продать этому обществу за большую сумму. Об этом как-то узнали англичане, которые тоже хотели стать

Осип Эммануилович Браз.

Из книги «225 лет Академии художеств СССР: Каталог выставки (1757–1919)». (М., 1983.)

покупателями, и Браз был обвинен в том, что эти сведения англичане получили от него. Но, зная реалии того времени, можно предположить, что это был лишь предлог. А в действительности художник мог пострадать из-за того, что выступал против распродажи художественных ценностей Эрмитажа, где служил хранителем коллекции голландской живописи.

На Соловках Осип Эммануилович был одним из организаторов и некоторое время заведующим музея СОАОКа — СОКа⁷, по заданию администрации лагеря сделал серию зарисовок памятников архитектуры (часть этих рисунков хранится в музее Истории религий в С.-Петербурге). Морской офицер Б.Л. Седерхольм, подружившийся с Бразом еще в пересыльной тюрьме, но прибывший на Соловки позднее и попавший в одну с ним камеру, вспоминал: «Браз находился в Соловецком лагере более года и успел уже побывать в одной из специальных рот, занимая какую-то должность по архитектурной специальности. За два месяца до моей встречи с Бразом в лагере на него донес кто-то из сексотов и знаменитого профессора перевели на тяжелые работы в гавани. Но через какое-то время его вернули, и теперь он был ... „придворным живописцем“». Ежедневно

⁴ Соловецкие острова. 1925. № 4–5. С. 40; 1925. № 3. С. 61.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 44. Л. 607–608.

⁶ Там же. Д. 38. Л. 207–208.

⁷ СОАОК — Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения, СОК — Соловецкое общество краеведения.

старый заслуженный профессор Императорской Академии Художеств отправлялся зарисовывать различные виды Соловецкого монастыря. Эта работа вполне удовлетворила бы профессора, если бы не обязанности „придворного живописца“, которые чрезвычайно угнетали чуткого и самолюбивого художника. Ему было приказано начальством лагеря зарисовывать сцены из жизни заключенных и внутренности исторических церквей старого монастыря. Все нарисованное проходило через цензуру начальства... Старый профессор должен был создавать в своем альбоме „потемкинские деревни“. Всякий раз возвращаясь с „цензурного осмотра“, профессор принимался с горьким вздохом за реставрацию церквей и украшение лагерной жизни... на бумаге своего альбома»⁸.

За время пребывания на Соловках Бразу пришлось пережить немало горьких утрат: его огромная коллекция картин, которую художник собирал тридцать лет «честными и законными путями», была конфискована. Об этом он с горечью писал: «Конфискация порочит честное имя гражданина и научного работника. С незаслуженной конфискацией всех плодов моей долгой художественной научной деятельности я лишаюсь всего, чем жил и для чего трудился»⁹. Большой трагедией стала смерть старшего сына и смертельная болезнь младшего. В 1926 г. О.Э. Браз был досрочно освобожден и отправлен в административную ссылку в Новгород. После ссылки ему удалось уехать в Германию и воссоединиться с семьей.

Почти одновременно с О.Э. Бразом на Соловки попадает Леонид Иванович Касаткин (1895–29.11.1937), который, будучи дворянином, окончил художественное училище в С.-Петербурге и как художник подавал большие надежды. Он участвовал в Первой мировой войне, вступил в партию эсеров, в 1920–1921 гг. был товарищем министра просвещения Дальневосточной Республики. В октябре 1922 г. Касаткин был арестован в Чите и в следующем году с трехлетним сроком отправлен на Соловки, где содержался в Савватьево, одном из трех скитов, занятых заключенными социалистами и анархистами. («Политики» содержались на особом режиме, отдельно от остальных заключенных.) Они много занимались самообразованием, издавали межфракционный литературно-политический журнал «Сполохи», готовили театральные постановки, в которых активное участие принимал Леонид

Касаткин. Он занимался реквизитом и декорациями, но при этом проявил себя и как одаренный режиссер и сценарист, написав тексты и поставив по ним несколько спектаклей. В 1925 г. Касаткин с Соловков был отправлен в ссылку на Урал, затем — в Бишкек, где некоторое время был директором картинной галереи, а в 1937 г. был снова арестован и расстрелян.

Николай Дмитриевич Мунзов (1884–?) родился в Болгарии. Его отец, любивший Россию как свое второе отечество, отправил Николая, проявившего с детства большие способности к рисованию, учиться на художника в Москву, но тот по примеру старших братьев, окончивших Александровское военное училище, чтобы быть более полезным новому отечеству, решил сначала стать военным и окончил Киевский кадетский корпус. В Первую мировую войну Николай Мунзов храбро воевал на Западном фронте, был тяжело ранен и контужен и как негодный к строевой службе отправлен в Иркутск для обучения сибирских стрелков, где его и застала революция. В Иркутске он окончил художественный факультет университета, но живописью на хлеб заработать не мог и решил ехать в Москву. В столице Николай также не смог найти никакой работы, и только помощь из Болгарии спасала его от голодной смерти. Связь с родственниками и послужила причиной ареста в октябре 1925 г. и ссылки на три года. В августе 1928 г. с Соловков Мунзов был отправлен в ссылку в Сибирь, где очень болел. Родственники ходатайствовали о нем, просили отпустить в Болгарию, обещая, что «он на всю жизнь сохранит вполне корректное и лояльное отношение к СССР». По ходатайству Е.П. Пешковой разрешение уехать на родину было получено. Его последним желанием в России было — написать портрет А.М. Горького¹⁰.

В 1927 г. на Соловках оказалась художница из Ленинграда Софья Ильинична Егорова, ученица И.Е. Репина и близкая подруга его сына Юрия. Она была разносторонне одаренным человеком: шесть лет прожив в Индии, изучила многие языки, в том числе и древнеиндусские, написала книгу «История Индии». После революции Егорова из Петрограда уехала в Париж, где увлеклась буддизмом и по совету Далай-Ламы стала писать картины на эти темы. Однажды в газете Софья Ильинична прочитала о готовящейся в Ленинграде буддийской выставке, что ее очень заинтересовало. В советском посольстве ее уверили, что никаких препятствий для участия в выставке нет, в Ленинграде она сможет выставляться и писать

⁸ Седекхольм Б.Л. В разбойном стане: три года в стране концессий и ЧК. 1923–1926. Рига, 1934.

⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 114. Л. 116, 144.

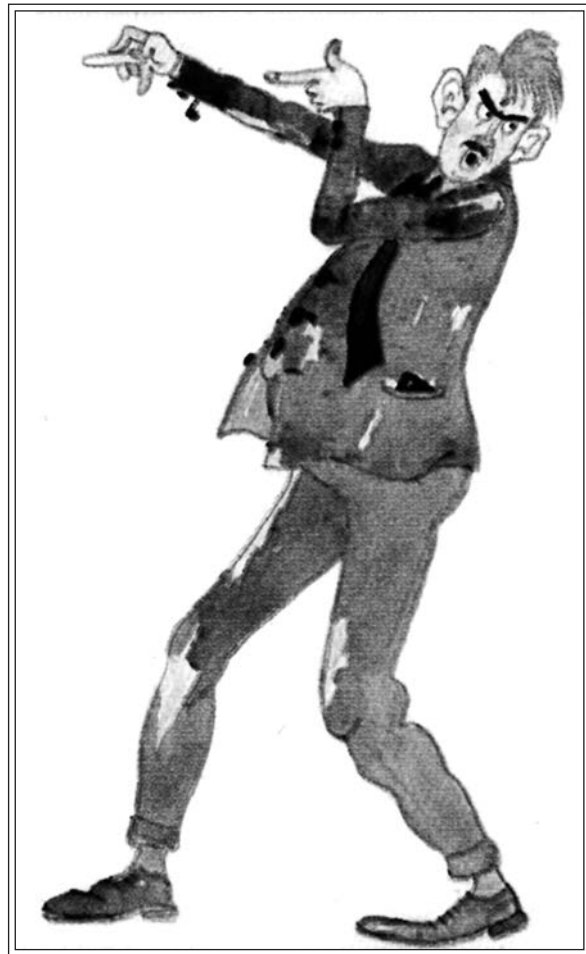
¹⁰ Там же. Д. 328. Л. 172–179; Д. 378. Л. 240–248.

книги. В Россию художница привезла целую коллекцию своих картин, в том числе огромное полотно 4×2,5 м «Царевич Сиддартх Сакия Муни Будда покидает свой дворец и жену». Эту картину Егорова писала три года, она выставлялась в Индии и в Европе, везде имела успех, в Италии была оценена в 50 тысяч франков (15 тысяч рублей золотом по тогдашнему курсу), многие хотели ее приобрести, но автор решила оставить ее в России. По приезде в Ленинград 8 июня 1927 г. Егорова была арестована и осуждена на три года. Через два с половиной года художница с Соловков была отправлена в ссылку в Нижний Новгород и по пути заехала в Ленинград, чтоб забрать свои картины, но увидела свое огромное полотно полностью испорченным: ей было заявлено, что такая картина России вредна и не нужна. «Какое варварство, какой вандализм! Если я не нужна России, отпустите в Финляндию к Репину», — с возмущением писала Егорова из ссылки, но никакой реакции на это не последовало¹¹.

Одновременно с Егоровой на Соловках находился еще один ученик И.Е. Репина, художник-академист Авагим Эммануилович Миганаджян (1883–31.05.1938). Уроженец города Нахичевань-на-Дону, он очень любил Кавказ, Восток, что нашло отражение в его творчестве. Миганаджян был признанным мастером, оказал влияние на многих молодых художников, в частности на М.С. Сарьяна, ставшего впоследствии известным советским художником¹². По постановлению от 9 января 1928 г. по ст. 58/6 А.М. Миганаджян был осужден и отправлен из Москвы на Соловки на 10 лет¹³, содержался в кремле, на Муксалме, Анзере, несколько раз вывозился на материк. Перед освобождением работал в музее ББК в Повенце. Был досрочно освобожден в сентябре 1936 г. и уехал в Саратов, так как въезд в Москву ему был воспрещен. В Саратове он устроился художником в Театр оперы и балета им. Чернышевского, где и проработал до самой смерти.

В прошлом выпуске альманаха «Соловецкое море»¹⁴ было рассказано о ленинградском «деле А.А. Мейера», по которому в 1929 г. на Соловки была сослана большая группа ученых, творческой

Владимир Раков. Автошарж

интеллигенции и среди них — несколько художников: Татьяна Николаевна Гишпиус (1877–1957) — родная сестра поэта Зинаиды Гишпиус, окончившая Академию художеств, ученица И. Репина и Ф. Рубо; Вера Федоровна Штейн (1881–1971) — скульптор, окончившая художественное училище при Академии художеств и Академию художеств, после лагеря и ссылки жившая в Новосибирске; Ксения Анатольевна Половцева (1887–1949) — внучка теоретика анархизма Петра Кропоткина; Ольга Викторовна Второва-Яфа (1876–1959) — автор воспоминаний о Соловках «Авгуровы острова»; Павел Фомич Смотрицкий.

Павел Фомич Смотрицкий (1876–12.04.1934) родился в Харькове, окончил Пензенскую художественную школу и художественные мастерские при Тенишевском училище, выставлялся, в 1909–1914 гг. работал в Мариинском и Александровском театрах, затем занимался художественной росписью частных домов. С 1918 г. Павел Фомич служил в «Союзе городов», составил каталог картин Зимнего дворца¹⁵.

¹¹ Там же. Д. 461. Л. 26–29 об.

¹² В 1916 г. о нем вышла книга Н.Лаврского «А.Э. Миганаджян».

¹³ За время пребывания в лагере его мастерская в Москве была разграблена, но, к счастью, часть картин ему удалось спасти, передав перед арестом на сохранение Е.П. Пешковой. После его смерти эти картины были возвращены его сестрам Маргарите и Тэги. Там же. Д. 246. Л. 305–310; Д. 1492. Л. 37–38.

¹⁴ Сошина А.А. Репрессированная наука: ученые в заключении на Соловках // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 10. Архангельск; М., 2011. С. 128–140.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 356. Л. 324–334.

Д.С. Лихачев, познакомившись с художником на Соловках, в своих воспоминаниях писал о нем: «Был он замечательный художник из круга „Мира искусства“, участник русско-финляндской выставки, друг архитектора Оля, строившего дачу Леонида Андреева на Черной речке. Его малая известность как художника, думаю, объясняется его исключительной скромностью, какой-то психологической неприметностью»¹⁶. В лагере Павел Фомич одно время работал на Анзере художником в шкатулочной мастерской. По воспоминаниям Д.С. Лихачева, привез оттуда серию чудных акварелей, особенно кустов под снегом, которые были переведены в графику и опубликованы в журнале «Соловецкие острова». На Соловках ему пришлось работать и сторожем, и лаборантом в сельхозе, по характеристике «очень добропорядочный, исполнительный и старательный работник». В лагере Павел Фомич страдал малокровием, заболел туберкулезом, был вывезен на материк и скончался в медпункте лагпункта Сеннуха (станция Кузема Мурманской железной дороги).

По делу студенческого кружка «Космическая академия наук» в 1928 г. вместе с Д.С. Лихачевым и другими на Соловки был сослан молодой талантливый художник Владимир Тихонович Раков (1906–1969). Коренной петербуржец, отбыв срок, он поселился в Петрозаводске, где прожил до конца жизни. У друзей и родственников В.Т. Ракова сохранилось более 500 рисунков, акварелей, по которым видно, что это был оригинальный, талантливый художник, чьи произведения еще непременно привлекут внимание искусствоведов¹⁷.

В 1929 г. в Киеве был арестован Василий Григорьевич Ищенко (1883–21.04.1942) и приговорен к десяти годам Соловков за то, что якобы знал о контрреволюционном заговоре и не донес. Это был очень талантливый художник, окончивший Художественную академию в Париже с золотой медалью, о нем в свое время писали многие газеты. Перед арестом Ищенко работал инспектором музея Киево-Печерской Лавры. Весь срок на Соловках он содержался в кремле, в 1935 г. был досрочно освобожден, но в декабре 1941 г. снова арестован по обвинению «в контрреволюционной агитации и пораженческих настроениях» и расстрелян.

В том же, 1929 г., с Украины был сослан еще один художник — Иван Иванович Вовк (1902–?), после окончания Художественной академии

в Киеве работавший в одном из театров. В лагере он был на Соловках, в Кеми, в Медвежьегорске, где работал художником в театре. Отбыв срок, вернулся в Киев, работал театральным художником.

В 1929 г. был арестован и сослан на пять лет по делу Султана Галиева вместе с младшим братом Ади Идрисовичем Урманче (1900–27.10.1937) художник из Татарии Баки Идрисович Урманче (1897–6.08.1990) — первый татарский художник, получивший высшее профессиональное образование. Брат был расстрелян в Сандармохе¹⁸, а Баки Идрисович, отбыв срок, вернулся на родину, много творчески работал, уже при жизни стал классиком татарского изобразительного искусства, получил звания Народного художника РСФСР и Народного художника Татарии. В 1999 г. в Казани ему поставили памятник.

В начале 1930-х гг. был осужден по ст. 58/10 Борис Иванович Лебединский (1891–1972) — одаренный живописец, гравер-оффортист и краевед. Он окончил Петербургское центральное училище технического рисования барона Штиглица, с 1911 г. был членом Совета художественно-артистической ассоциации, в середине 1920-х гг. уехал в Иркутск, где с 1927 г. заведовал картинной галереей. Около 1930 г. Лебединский вернулся в Ленинград, стал работать художником и научным сотрудником в Географическом музее, но вскоре был арестован. В лагере содержался на Соловках и в Куземе. После лагеря снова уехал в Сибирь, преподавал в Иркутском художественном училище, занимался творчеством, стал заслуженным деятелем искусства.

На Соловки в разное время было сослано много талантливых архитекторов. Лев Васильевич Капустин был сослан в 1924 г. на десять лет, срок отбывал сначала на Соловках, затем на ББК. Освободившись в 1933 г., он остался в Медвежьегорске и в свои 77 лет не только зарабатывал на хлеб себе, но и много помогал другим¹⁹.

Наталья Петровна Гаврилова-Забродина (1897–?) — дворянка, родилась в Кронштадте, архитектор с высшим образованием, была сослана на Соловки в 1924 г. на два года, после Соловков отправлена в ссылку, а в 1937 г. арестована снова, осуждена на десять лет.

Братья-близнецы Борис Васильевич и Константин Васильевич Минихи (1909–14.02.1940) родились в Варшаве в дворянской семье, оба окончили институт, стали архитекторами, до ареста работали в тресте «Горгражданстрой»

¹⁶ Лихачев Д.С. Избранное. Воспоминания. СПб., 1997. С. 313–315.

¹⁷ Маслов Д. Гусар в соловецкой робе // Север. 2003. № 5–6.

¹⁸ В составе т.н. «соловецкого этапа» в октябре 1937 г.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 965. Л. 239–240.

в Москве. В марте 1936 г. по обвинению в шпионаже и террористической деятельности они были арестованы и осуждены на 8 лет. На Соловках работали в проектно-сметном бюро, и по воспоминаниям бывшего заключенного инженера В. Чашея, работавшего вместе с ними, это были очень образованные и талантливые юноши, которые могли бы стать известными архитекторами. Кирпичное двухэтажное здание тюрьмы на территории монастырского кирпичного завода было спроектировано ими. В 1939 г. Минихи на Соловках были арестованы в числе большой группы заключенных, обвиненных в создании в лагере несуществующей, повстанческой террористической организации, вывезены в Москву и расстреляны в один день.

В 1937–1938 гг. в числе почти 2000 тысяч заключенных Соловецкой тюрьмы были расстреляны архитекторы: Константин Васильевич Лозинский (1882–27.10.1937); Борис Романович Подкатилин (1897–3.11.1937) — помощник главного архитектора Наркомата тяжелой промышленности из Москвы; Леонид Иванович Гешнер (1911–8.12.1937) — архитектор треста Гипроавтотранса в Москве, Анатолий Васильевич Селенков (1910–17.02.1938) — студент Архитектурного института; художники: Зиновий Израилевич Хайкин (1913–8.12.1937) из Екатеринослава, Юрий Александрович Решетников (1914–3.11.1937) из Москвы, Иван Фелицианович Дембский (1880–9.10.1937), Алексей Васильевич Воцакин (1898–8.12.1937) из Новосибирска, Николай Петрович Василевский (1904–17.02.1938) из Минска, Петр Нилович Пакшин (1893–27.10.1937) из Новосибирска, Жан Иванович Мильдер (1911–8.12.1937) из Латвии, Дмитрий Иосифович Иванов (1880–17.02.1938). О последнем хочется добавить, что он родился и жил в С.-Петербурге, окончил Художественное училище Штигилица, художник-скульптор, преподавал графическое искусство в вузе; осужден в январе 1932 г. по ст. 58/6 к ВМН с заменой на десять лет. В лагере писал портреты своих товарищей по несчастью. В частности, сохранился портрет П.А. Флоренского, который сейчас находится у его внуков.

Среди творческой интеллигенции на Соловках больше всего было журналистов, писателей, поэтов.

В 1924 г. по делу Святейшего Патриарха Тихона был арестован молодой поэт Николай Борисович Кирьянов (1900–1989) и осужден на три года. На Соловках он был келейником архиепископа Илариона (Троицкого), сохра-

Павел Флоренский

Рисунок Д. Иванова

нились стихи, посвященные владыке²⁰. После ссылки состоял в переписке с поэтом Николаем Клюевым, и тот послал ему рукопись своей поэмы «Соловки», которую Н. Кирьянов сохранил и затем передал в ЦГАЛИ. До конца жизни он жил в Туле, занимаясь литературным творчеством.

В 1925 г. с десятилетним сроком в лагере оказался молодой грузинский поэт Константин Семенович Гамсахурдия, но пробыл на Соловках до ноября 1927 г. и отправлен в ссылку в Коми край²¹.

Александр Борисович Ярославский (1891–10.12.1930) родился в Томске, окончил университет, имел вполне подходящую для новых властей биографию: с 1917 г. состоял в партии большевиков, участвовал в Гражданской войне — заведовал культурной частью в партизанском отряде, около двух лет просидел в тюрьме у белых. В начале 1920-х гг. Ярославский был уже довольно известным поэтом, в 1922 г. в Москве вышел сборник его стихов, но в мае 1928 г. он был арестован и по ст. 58/4 осужден на пять лет. Причиной ареста стало следующее: будучи в Берлине, он опубликовал в эмигрантских газетах «Дни» и «Руль» ответ на открытое письмо Е. Ярославского и выступил с докладом о Советской России, позволив себе и критические замечания (но не антисоветские). Надо сказать, что поэт сразу же признал

²⁰ Поэзия узников ГУЛАГа. Антология. М., 2005. С. 73–75.

²¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 205. Л. 91; Д. 155. Л. 77.

Кузубай Герд

ошибочным, и то, что воспользовался эмигрантской прессой, и то, что выступил с критикой не в России, а «на том берегу», искренне считая, что «нельзя выносить сор из избы». Ярославский мог не возвращаться в Россию, но вернулся, находя для себя недостойным объясняться из-за границы, хотя прекрасно понимал, что «едет саморасстреливаться»²². На Соловках содержался в кремле, на Муксалме, пытался бежать, был расстрелян. Через полгода у Секирной горы была расстреляна и его жена Евгения Исааковна Ярославская-Маркон (1902–16.06.1931) — тоже литератор, журналист. После ареста мужа она переехала жить в Кемь, чтобы готовить ему побег, за что была отправлена на Соловки²³.

В 1929 г. в Чернигове была арестована и приговорена к расстрелу с заменой на десять лет лагеря за участие в несуществующей контрреволюционной организации украинский поэт, дочь известного писателя Лидия (Лада) Михайловна Могиланская (1899–6.06.1937). Срок она отбывала на Соловках и ББК, была досрочно освобождена, поехала на строительство канала Москва – Волга, где была снова арестована и приговорена к расстрелу.

²² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 372. Л. 169–170 об.

²³ Об истории ее расстрела см. Флиге И. Камнем в висок... // Вестник «Мемориала». СПб., 1999. № 3(9).

В 1935 г. был арестован талантливый украинский поэт и переводчик Евген Плужник (1898–1936), автор двух сборников стихов «Дни» и «Ранняя осень» и талантливых переводов на украинский язык Чехова, Гоголя, Шолохова. На Соловки он был сослан уже смертельно больным и менее чем через год скончался в лагерном лазарете. Долгое время имя Е. Плужника замалчивалось, даже в изданиях переведенного им «Тихого Дона» не указывалось имя переводчика, не издавались его стихи, хотя это был один из талантливейших украинских поэтов XX в.

В 1936 г. из Киева был сослан еще один талантливый поэт Марк Николаевич Вороной (1904–3.11.1937), расстрелянный в Сандармохе.

В 1933 г. по ст. 58/3, 4, 6, 8, 11 был приговорен к расстрелу с заменой на десять лет Соловков выдающийся удмуртский поэт, крупнейший деятель национальной культуры Кузубай Герд (Кузьма Павлович Чайников) (1898–1.11.1937). Его называли основоположником удмуртской поэзии, самым талантливым среди молодых национальных поэтов. Кузубай кроме поэзии оставил заметный след и в других жанрах — прозе, критике, драматургии. Он рано увлекся литературой, уже с 1914 г. начал печататься на русском языке, занимался переводами, увлекся фольклором, в 1926 г. создал в Москве Общество по изучению вотской культуры. В 1920–1930-е гг. Кузубай издал несколько сборников стихов «Гуслиар», «Цветущая земля», «Ступени» и др., опубликовал около 130 статей по этнографии, фольклору, краеведению, к нему пришла международная известность, но в 1932 г. он был обвинен в том, что является выразителем идеологии национальной буржуазии на литературном фронте. На Соловках Кузубай не прерывал своей литературной деятельности, писал стихи на родном удмуртском и русском языках, строил планы на будущее... Кузубай Герд был расстрелян в Сандармохе.

О молодых талантливых поэтах Юрии Казарновском, Владимире Кемецком (Свешникове), Александре Панкратове и других мы уже рассказывали в одном из предыдущих выпусков альманаха²⁴.

Журналист Николай Кириллович Литвин (1892–?) работал в Крыму, на Кубани. В конце Гражданской войны, напуганный террором, эмигрировал с белыми. Вскоре поняв, что без России жить не сможет, вступил в члены Союза «Возвращение на Родину», в Болгарии начал

²⁴ Сопина А.А. Подстреленные на взлете (молодежь в лагере на Соловках) // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 8. Архангельск; М., 2009. С. 118–128.

активную работу в газете Миссии Советского Красного Креста и в 1923 г. с группой эмигрантов вернулся в СССР²⁵. По возвращении Н.К. Литвин получил персональную амнистию, был восстановлен в правах, но тут же 13 сентября 1923 г. арестован Московским ГПУ и выслан на три года на Соловки по обвинению в шпионаже. В лагере он был организатором и первым выпускающим газеты «Новые Соловки», которая стала выходить с 11 января 1925 г., много печатался и в этой газете, и в журнале «Соловецкие острова». В конце 1926 г. Николай Кириллович с Соловков был отправлен в Нарымский край, где находился до весны 1930 г., затем сослан в Туркестан, откуда в 1933 г. он писал Е.П. Пешковой о своих злоключениях, о том, что «уже 10 лет ни за что страдает, и ни одна амнистия его не коснулась»²⁶. Его дальнейшая судьба автору неизвестна.

В одно время с Н.К. Литвиным на Соловках находился журналист Борис Николаевич Ширяев, автор известных воспоминаний «Неугасимая лампада».

Итальянский журналист Георгий Александрович Перозио, родственник композитора Перозио, был сослан в 1925 г. за службу в 1919 г. в телеграфном агентстве печати в армии Деникина²⁷.

В 1927 г. с десятилетним сроком прибыл на Соловки молодой журналист Геннадий Андреевич Хомяков (писал под псевдонимом Геннадий Андреев). На Соловках пробыл два года, затем был отправлен в ссылку, после освобождения работал в Крыму. В 1942 г. попал в плен, остался на Западе, стал известным журналистом, до конца жизни редактировал журнал «Русское возрождение». В первые послевоенные годы Геннадий Андреев опубликовал в «Гранях» воспоминания «Соловецкие острова», выпустил книгу очерков «Горькие воды», повесть «Трудные дороги», где описывает попытку побега из лагеря. До конца жизни он много и плодотворно работал, являясь одним из выдающихся публицистов второй волны эмиграции. Тема неразрывности с Россией, ответственности перед Родиной красной нитью проходит через все его творчество. Одна из лучших его статей «Помилуй, Бог, мы — русские» заканчивается так: «Мы — здоровый сильный народ со здоровой и молодой душой. В ней, как

Н. Литвин. Лагерный рисунок

и прежде, неискоренимо живет жажда справедливости, свободы, мира. Эта жажда — залог того, что зло большевизма будет нами уничтожено. Оно не может не быть уничтожено, ибо, помилуй, Бог, мы — русские»²⁸.

В 1927 г. был арестован и Тройкой ОГПУ Северо-Кавказского края осужден по ст. 58/3, 4, 12, 13 на 10 лет журналист Дмитрий Григорьевич Янчевецкий (1873–1934), брат писателя В. Яна. Это был очень образованный человек, в совершенстве знал четыре языка, в том числе китайский. Во время русско-японской войны он был редактором «Вестника Маньчжурской армии», затем — репортером в «Новом времени». На Соловках Янчевецкий одно время работал в криминологическом кабинете²⁹, поэт Ю. Казарновский написал на него эпиграмму:

Он кабинету много дал,
И велико его значенье:
В себе он редко сочетал
И материал, и наблюденье.

В 1933 г. Д.Г. Янчевецкий из лагеря был освобожден и отправлен «с минусом» в Кострому. Его книга «У стен Пекина» под названием «1900. Русские штурмуют Пекин» была переиздана в 2008 г.

В том же 1927 г. на Соловках оказался корреспондент «Известий» Гарри (Алексей) Петрович

²⁵ Обстоятельства возвращения были описаны в Известиях ЦИК СССР и ВЦИК № 170 от 31 июля 1923 г. Правда, там допущена ошибка: Литвин редактором эмигрантской газеты «Общее дело» никогда не был, а был сотрудником газеты «Русское дело».

²⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 932. Л. 173–176.

²⁷ Там же. Д. 84. Л. 49; Д. 263. Л. 294–297.

²⁸ Хомяков Г.А. Помилуй, Бог, мы — русские // Слово. 1992. № 1–6. С. 57.

²⁹ Криминологический кабинет, созданный в 1926 г., занимался изучением типов и психологии заключенных. О его работе см. воспоминания Д.С. Лихачева.

Е. Мустангова

Бромберг, обвиненный в шпионаже в пользу Англии за то, что получил рекомендательное письмо от английского консула, у которого служил в 1916 г. Это был известный журналист, участник Гражданской войны (два его брата на этой войне погибли). На Соловках содержался в Филимоново, в июне 1930 г. из лагеря отправлен в ссылку в Северный край³⁰.

В 1930 г. была осуждена на десять лет журналистка, сотрудница московских газет, в том числе газеты «Красная Звезда», Варвара Ивановна Брусилова (1899–09.1937) — племянница профессора С.А. Котляревского. Содержалась на Соловках, Кеми, на ББК. Расстреляна. Интересно письмо В. Брусиловой Е.П. Пешковой, в котором она пишет: «О прожитых в заключении годах я не жалею, они морально дали мне больше, чем отняли, несмотря на огромную усталость... ибо само по себе лагерь не так и не тем страшен, как это кажется со стороны. До сих пор, за малым исключением, мне всегда и всюду было хорошо морально, и среди товарищей я меньше ощущаю свое одиночество, чем на воле»³¹.

Алексей Григорьевич Свяженинов (1895–3.11.1937) был заведующим научно-техническим отделом журнала «За рубежом». В марте 1934 г. по

ст. 58/4, 6 его приговорили к ВМН с заменой на десять лет. Свяженинову не простили дворянского происхождения и того, что был офицером Деникинской армии. На Соловках ему пришлось работать на осушении болот, в сельхозе, ловить тюленей, играть в лагерном театре. И в лагере А. Свяженинов постоянно интересовался судьбой своего журнала. В одном из писем к брату Алексей Григорьевич просит: «Сделай милость, пришли мне бандеролью „За рубежом“ от 25 ноября (№ 33). Это юбилейный номер. В нем подытожены три года работы журнала, и мне, делавшему его весь первый год, очень интересно, что они написали, анализируя развитие журнала»³². Расстрелян в Сандармохе.

Ахмет Байтурсунович Байтурсунов — выдающийся деятель казахской культуры, литератор, публицист, педагог, который тридцать пять лет отдал просвещению киргизо-казахского народа, создал казахский алфавит и орфографию. 2 июня 1929 г., в шестьдесят два года, он был арестован, почти два года провел в тюрьме и был отправлен на Соловки, откуда через два года — в ссылку в Архангельск, где страшно бедствовал, не имея никакой помощи и работы³³. В 1934 г. был освобожден по ходатайству Е.П. Пешковой, но в 1937 г. вновь арестован и расстрелян.

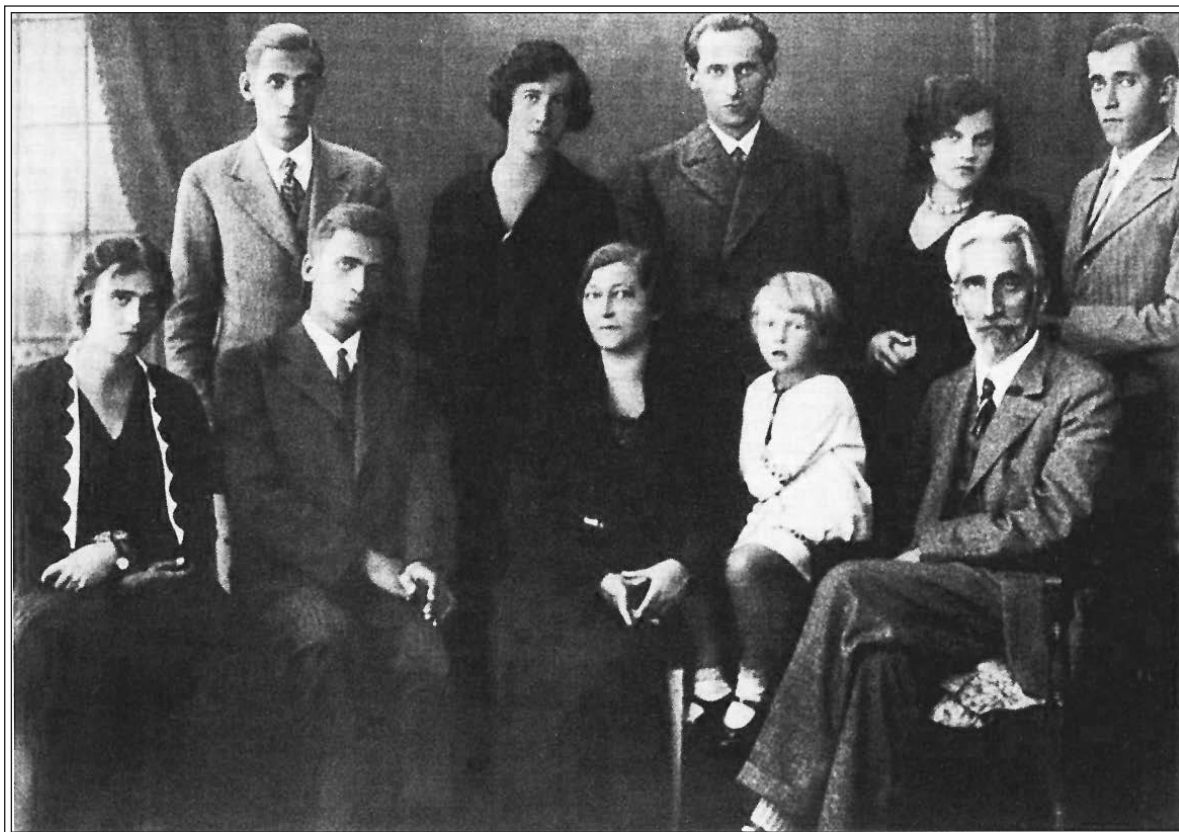
Евгения Яковлевна Мустангова (Рабинович) (1905–4.11.1937) считалась одним из самых талантливых молодых советских критиков, очень рано была принята в члены Союза писателей. Уже во время учебы на филологическом факультете Ленинградского университета Евгения писала хорошие критические статьи, стихи, хотя никогда их не печатала, но любовь к поэзии сказалась в литературоведческой деятельности, основные ее работы касались творчества поэтов. Когда Корней Чуковский редактировал первое советское издание Н.А. Некрасова, вступительную статью он предложил написать Мустанговой. Казалось, все складывается так удачно... Но в 1936 г. Евгения Мустангова с группой друзей-коллег: Анной Абрамовной Бескиной (1903–2.11.1937) — литературным критиком, репортером газеты «Ленинградская правда»; Михаилом Гавриловичем Мейзелем (1899–4.11.1937) — литературным критиком, журналистом, зав. критическим отделом журнала «Литературный современник»; писателями Леонидом Юрьевичем Грабарем-Шполянским (1896–2.11.1937), Зеликом Яковлевичем Штейнманом были осуждены по

³⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 155. Л. 10.

³¹ Там же. Д. 1078. Л. 5 об. – 6.

³² Свяженинов А.Г. Письма с Соловков // За рубежом. 1989. № 15. С. 13.

³³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 889. Л. 14–15; Д. 904. Л. 17–21.

Семья Крушельницких. А.В. Крушельницкий (сидит крайний справа). Одна из последних фотографий 1933–1934 гг.

ст.58/8 и приговорены к десяти годам. Ходатайства Корнея Чуковского, Юрия Германа, Николая Асеева были безрезультатны. Все они (за исключением З. Штейнмана, пережившего Соловки и Норильск) были расстреляны в Сандармохе.

Поистине трагична судьба семьи Антона Владиславовича Крушельницкого (1878–3.11.1937) — известного украинского просветителя, писателя, журналиста, издателя. Все члены этой семьи были люди высокообразованные, творческие (из этой семьи и знаменитая украинская певица Саломея Крушельницкая). Крушельницкие жили в Галиции, но украинское правительство всячески заманивало их, обещая блестящие перспективы, и в мае 1934 г. семья переехала в Харьков. Вскоре все были арестованы как участники организации «Объединение украинских националистов». Два сына Антона Владиславовича — Тарас и Иван были расстреляны в Харькове, а сам он с сыновьями Богданом (1906–3.11.1937), Остапом (1913–3.11.1937) и дочерью Владимирой (1903–8.12.1937) были отправлены на Соловки и расстреляны: отец с сыновьями в один день — в Сандармохе, дочь — через месяц. А всего из этой многострадальной семьи через Соловки и ББК прошло десять человек.

Среди расстрелянных заключенных Соловецкой тюрьмы осенью 1937 – феврале

1938 г. были литераторы: черкесский князь, писатель-журналист Халид Качукович Абуков (1905–27.10.1937); казахский литератор Комуш Али Бориев (1896–27.10.1937); ленинградский журналист Макс Моисеевич Левшин (1903–27.10.1937); журналист из Казани Сафа Хафиз-Оглы Хафизов (1894–27.10.1937); зав. отделом редакции газеты «Ленинградская правда» и «Красная газета», художественный руководитель и режиссер театра Революционной сатиры в Ленинграде, затем главный режиссер Рабочего театра в Воронеже Семен Семенович Цейтлин (Инин) (1905–27.10.1937); сотрудник французской газеты в Москве Всеволод Алексеевич Харузин (1909–1.11.1937); смоленский журналист Самуил Яковлевич Беркович (1906–2.11.1937); редактор «Литературной газеты» из Тбилиси, профессор Платон Иосифович Кикодзе (1905–2.11.1937); редактор районной газеты «Колхозный путь» из Грузии Арсен Федорович Макацария (1902–2.11.1937); французский журналист и литератор Жан Георгиевич Рено (Илья Григорьевич Кочерец) (1895–2.11.1937); писатель и журналист из Киева Василий Иванович Атаманюк-Яблуненко (1897–3.11.1937); представитель старинного дворянского рода, журналист Владимир Николаевич Бестужев-Рюмин (1908–3.11.1937); литератор из Киева Иван Дмитриевич Дорожный-Миненко (1897–3.11.1937); украинский

Программа

9 и 10 января 1936 г.

Премьера

Л. Славин

„ИНТЕРВЕНЦИЯ“

действующие лица:

<ol style="list-style-type: none"> 1. Бродский 2. Жанна Барбье 3. Орловская 4. Степикоб 5. Бондаренко 6. Санжа 7. Мадам Кеидие 8. Женя Кеидие 9. Полковник Фредаме 10. Капитан Филлатр 11. Лейтенант Бенуа 12. Капрал Барбару 13. Селестэн 14. Марсинале 15. Тастон 16. Жуб 17. Жан 18. Пьер 19. Огюст 20. Али 21. Зуаб 22. Филлька Анарзиет 23. Мария Шокарчу 24. Имиеруаки 	<ol style="list-style-type: none"> Синицкий Е. Л. Кр. зальницкая В. А. Розенфельд В. М. Карасев А. И. Филипов С. П. Ошман Н. А. Пасина М. С. Голозин В. Ф. Шобман Д. Л. Лаудерт Н. В. Валлен Ростислав Варберг А. А. Кочетков К. А. Семкович С. С. Вишневицкий И. Н. Макаров М. Б. Кирьянов С. В. Бурляков А. А. Досчатковский С. Д. Поспелитани В. М. Перфильев Ев. А. Цишевский В. С. Бублик А. Оталанов В. С.
--	--

Афиша спектакля Соловецкого театра

литератор, поэт, переводчик, профессор, специалист по античной классике Николай Константинович Зеров (1890–3.11.1937); украинский писатель-драматург Мирослав Дмитриевич Ирчан (Андрей Дмитриевич Бабюк) (1896–3.11.1937); журналист, литературный редактор объединенного издательства Украины Петр Михайлович Кривенко-Матыенко (1891–3.11.1937); журналист «Рабочей газеты» в Москве Федор Кузьмич Кузьмин (1905–3.11.1937); писатель-журналист из Харькова Яков Ефремович Ковальчук (1889–3.11.1937), украинский драматург Микола Гурьевич Кулиш (1892–3.11.1937); украинский писатель Валерьян Львович Полищук (1897–3.11.1937); литератор и журналист, редактор издательства «Язык и литература» в Харькове Клим Лаврентьевич Полищук (1891–3.11.1937); московский журналист Николай Андреевич Ровинский (1912–3.11.1937); украинский прозаик и переводчик Валериан Петрович Пидмогильный (1901–3.11.1937); украинский писатель Николай Константинович Стрельцов (1890–3.11.1937); литератор из Киева Владимир

Фокиевич Штангей (1895–3.11.1937); украинский писатель Григорий Данилович Эпик (1905–3.11.1937); украинский литератор Михаил Николаевич Яловой (1895–3.11.1937); журналист из Прибалтики Эдуард Биройс (1891–4.11.1937); литературный работник из Чернигова Вера Николаевна Гутман (1901–4.11.1937); ленинградский литератор Иван Степанович Игнатенко (1908–4.11.1937); журналистка, секретарь Торгпредства в Германии Изабелла Ионовна Койген (1900–4.11.1937); студент института журналистики в Москве Анатолий Максимович Малашкин (1915–4.11.1937); ленинградский литературовед Григорий Юрьевич Юрьев (1899–4.11.1937); украинский литератор Василий Яковлевич Вражливый-Штанько (Василь Вражливый) (1903–8.12.1937); журналист из Днепропетровска Владимир Александрович Ильпштейн (1898–8.12.1937); литературный редактор из Харькова Василий Иванович Левицкий (1902–8.12.1937); литературовед Ананий Дмитриевич Лебедь (1898–8.12.1937); литератор из Винницы Николай Ферапонтович Нарушевич (1902–8.12.1937); студент Литературного института в Москве Николай Гаврилович Сенин (1906–8.12.1937); киевский литератор Георгий Данилович Шкурупий (Гео Шкурупий) (1903–8.12.1937); журналист «Последних известий» на радио в Москве

Глеб Сергеевич Жантиев (1910–17.02.1938); журналист Московского обкомитета радиовещания Алексей Алексеевич Крылов (1904–17.02.1938).

Через Соловки прошло много талантливых музыкантов, актеров, режиссеров. Конечно, и в лагере многие из них были заняты в театре, но это не избавляло ни от тяжелых работ, ни от ссылок на штрафные командировки. Положение артистов в лагере ярко характеризует небольшой отрывок из статьи Н.К. Литвина: «В те дни, когда „рабсила“ мобилизовывала каждого, тогда наши же товарищи заключенные, соловецкие нарядчики с особым сладострастием в первую очередь угоняли на баланы актеров. А в самые острые моменты, когда не спасали от баланов ни дипломатия, ни авторитет режиссера, ни даже сам великий блат, тогда первый „главреж“ соловецкого театра вместе со своими подвижниками отдавался в руки беспощадных нарядчиков, с утра до ночи где-нибудь у Перт-озера подставлял под проклятую тяжесть баланов свои слабые плечи. Были случаи, когда через два часа после ударника

должен был начаться спектакль. И соловецкие актеры играли...»³⁴ Лагерному театру посвящена работа Н.Б. Кузьякиной «Театр на Соловках 1923–1937» (СПб., 2009), поэтому здесь мы остановимся только на судьбах некоторых актеров.

Уже в 1923–1924 гг. на Соловках появились профессиональные артисты Макар Семенович Борин (1871–1938), Сергей Арманов (Иван Андреевич), Борис Александрович Глубоковский (1894(5?)–ок. 1935). Они и стали основателями лагерного театра. Самым талантливым из них, наверное, был Борис Глубоковский — журналист, прозаик, актер из Москвы, очень близкий к круту С. Есенина. В своих воспоминаниях А. Мариенгоф называет его своим приятелем, описывает факт, как в апреле 1920 г. он, С. Есенин и Б. Глубоковский посвящали В. Хлебникова в Председатели Земного шара³⁵. Да и на Соловки Б. Глубоковский был сослан по делу поэта Алексея Ганина, приятеля С. Есенина. На Соловках он активно печатался в журналах «Соловецкие острова» и «Карело-Мурманский край», был режиссером в театре. Хочется отметить, что многие творческие люди, в прежней жизни далекие от сценической деятельности, в лагерном театре проявили себя как талантливые артисты. Генеральша Зинаида Яковлевна Гольтгоер после эмиграции в 1919 г. мужа и детей осталась в Петрограде совсем одна, так как не хотела покидать Россию, терпела большую нужду, честно служила в советских учреждениях. В марте 1924 г. она была арестована и, просидев полгода в одиночной камере тюрьмы, отправлена на Соловки без предъявления конкретных обвинений, только потому, что дворянка и жена генерала, который был двоюродным братом княгини Ольги Палей, жены великого князя Павла Александровича. На Соловках З.Я. Гольтгоер попала в театр, с успехом играла комических старух и, кроме того, стала большим специалистом по парикам. Благодаря игре в театре о ней узнали родные. Зинаида Яковлевна попала в известный фильм «Соловки», который снимался в 1927–1928 гг. В 1930 г. этот фильм показывали в Хельсинки, и каково было удивление родственников Зинаиды Яковлевны, когда они увидели ее на экране. Для детей и мужа это были первые достоверные сведения о ней. Известно, что после Соловков З.Я. Гольтгоер была отправлена в ссылку в Сибирь, хотя в то время ей было далеко за шестьдесят³⁶.

Г. Эпик с дочерью Радой. Фотография нач. 1930-х гг.

В 1924 г. были арестованы и в следующем году сосланы: режиссер 2-го МХАТа Никита Михайлович Красовский, пианист из Симферополя Давид Михайлович Лившиц, балетный танцор Павел Энгельфельд, артистки Валентина Михайловна Сапожкова-Таирова из Киева, Софья Александровна Окерман (1895–1973), Ирина Сергеевна Витте-Сомова (1905–?) — дочь Сергея Юльевича Витте, арестованная только за свое происхождение и сосланная вместе с мужем, который и умер на Соловках. Самой ей пришлось многие годы провести в лагерях и ссылках, переноса холод и голод. В 1932 г. в ссылке Ирина написала повесть «Соловки и луна», но сохранилась ли она где-нибудь — автору статьи неизвестно³⁷.

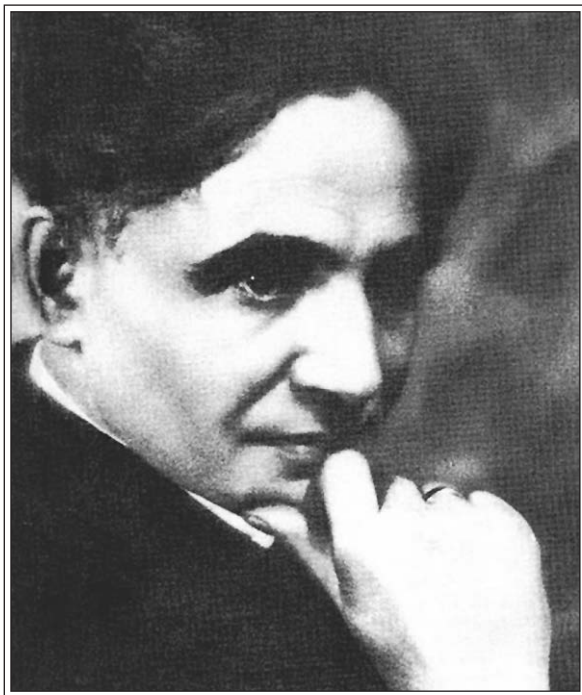
В числе сосланных в 1925 г. из Ленинграда по известному «делу лицеистов» было много людей творческих, среди них — Михаил Николаевич Фроловский, поэт и литератор; Александр Дмитриевич Викторов, сын сенатора, правоведа, при этом всю жизнь занимавшийся искусством и музыкой; музыканты Лев Евгеньевич

³⁴ Соловецкие острова. 1926. № 2–3. С. 27.

³⁵ Мариенгоф А. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья. Л., 1988. С. 63.

³⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 82. Л. 329–330 об.

³⁷ Там же. Д. 630. Л. 69–82; Д. 851. Л. 116–118; Д. 398. Л. 44–45; Д. 252. Л. 256.

Лесь Курбас

Кондратьев, Георгий Николаевич Харламов, барон Николай Анатольевич Штромберг (1879–ок. 1927). Штромберг был прекрасным музыкантом, учеником Игумнова. На Соловки он попал только потому, что еще в 1919 г. был расстрелян его брат по делу «Национального центра». В лагере некоторое время обучал музыке детей охранников, затем был переведен на лесоразработки, где и погиб вместе с еще одним «лицеистом», князем Николаем Николаевичем Голицыным (1883–ок. 1927). Подробности их трагического конца описаны в воспоминаниях поляка Мечислава Ленардовича: «Работая на лесоповале, я познакомился с хорошо известным в Петрограде бароном Штромбергом. Вместе мы валили в лесу деревья, вспоминая о прежних временах... Работа шла медленно, потому что ни Голицын, ни Штромберг не были к ней приспособлены. Нас часто оставляли в наказание в лесу на ночь, не давали пицци, били палками. От этих побоев вскоре сошел с ума Штромберг... Да и князь Николай Голицын тоже плохо кончил...»³⁸

В 1926 г. на Соловки был сослан музыкант, дирижер духового оркестра Анатолий Николаевич Сперанский, хороший знакомый Е.П. Пешковой. Его маленький сын был ее крестником. Основной причиной ссылки послужило то, что его брат,

профессор Сперанский, был в эмиграции. Жена музыканта с грудным младенцем была сослана в Тобольск. Отбыв срок на Соловках, Сперанский был отправлен в ссылку в Архангельск, где и скончался.

В 1927 г. по ст. 58/5 из Ленинграда был сослан Александр Сергеевич Москвин. Обладая хорошим голосом и музыкальностью, он окончил консерваторию и работал в Михайловском театре оперным певцом, но в 1920-е гг. пришлось «переквалифицироваться» в эстрадники. Отбыв три года на Соловках, Москвин был отправлен еще на три года в ссылку в Архангельск. В том же 1927 г. в лагере оказались пианистка из Москвы Любовь Владимировна Миллер; ленинградская драматическая актриса Наталья Николаевна Ольховская-Ростова, арестованная за свою религиозность; вернувшаяся из-за граница актриса Эльвира Антоновна Загорская; актер Александрийского театра Игнатий Дмитриевич Калугин вместе с женой, актрисой Екатериной Ефимовной Савченко; дирижер духового оркестра из Сталинградского округа Илья Адамович Лакизо; студент консерватории, очень талантливый начинающий композитор Александр Александрович Кенель.

В 1929 г. по «делу А. Мейера» были сосланы солист Мариинского театра Павел Дмитриевич Васильев (1886–1929); талантливый режиссер Павел Петрович Вальдгардт, до ареста преподававший в Ленинграде сценическое искусство в Центральном музыкальном техникуме; музыкант Елена Адамовна Назарова-Заржецкая.

Стефан Августович Якубицкий, органист, перед арестом работал при Зинтковском соборе в Каменец-Подольске, за что и был арестован в мае 1929 г. и в 1930 г. отправлен на Соловки (по приговору должен был быть отправлен в Котлас), содержался в Савватеево. Его семья осталась без всяких средств к существованию, одна дочь умерла с голоду, сыновья не могли ходить в школу — не в чем было выйти на улицу. В доме из имущества оставались только швейная машинка и рояль, но машинку забрали, а инструмент просто разломали, руководствуясь тем, что «какое право имеет семья политического заключенного иметь рояль и швейную машинку?»³⁹

1 апреля 1930 г. в Таганроге был арестован дирижер симфонического оркестра Валериан Гаэганович Молла (1872–?) и по ст. 58/6, 11, 13 на пять лет отправлен в концлагерь. Итальянец по происхождению, он принял русское подданство, окончил консерваторию, считался дирижером высшей квалификации, получил звание за-

³⁸ Ленардович М. На островах пыток и смерти. Воспоминания с Соловков // Каторга и ссылка на Севере России. Архангельск, 2008. Т. 3. С. 50–91, 67–68.

³⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 651. Л. 117–119; Д. 1311. Л. 133–134.

служенного артиста, много гастролировал, вел большую общественную работу, но как человек «иностранный происхождения» был заподозрен в шпионаже и пособничестве международной буржуазии. С Соловков Молла был переведен в Свирлаг⁴⁰.

По этим же статьям 1 сентября 1930 г. в Москве был арестован и приговорен к десяти годам Соловков актер театра Мейрхольда и кинорежиссер Борис Соломонович Шнеерсон. Причиной ареста послужило то, что его мать жила в Париже, и сам Шнеерсон вел переговоры с парижской кинофирмой о совместной работе.

В 1931 г. артист Большого театра Николай Евграфович Еварестов получил десять лет, в 1933 г. с Соловков переведен в Потьму (Мордовия).

В 1935 г. на Соловках появился Леонид Федосеевич Привалов-Бобль (1891–198?) — певец высшей квалификации, много лет служивший в оперных театрах Тифлиса, Баку, а перед арестом — в Ленинграде. Существует несколько версий о причинах его ареста, и одна из них такова: будучи в гостях у известного врача А.А. Ошмана, он слушал, а возможно, и сам рассказывал политические анекдоты, за что хозяин дома с женой, сыном и дочерью и гости оказались на Соловках. На Соловках Привалов пел в лагерьном театре, одно время даже был его директором. В.Ф. Федоров, тоже бывший заключенный, вспоминал: «Из артистов-ленинградцев на всю жизнь запомнил Леонида Федосеевича Привалова. Когда он выходил на сцену и запевал: „О, дайте, дайте мне свободу...“ весь зал рыдал. Иногда в сольных концертах ему аккомпанировал профессор Московской консерватории, известный пианист Николай Яковлевич Выгодский»⁴¹. После лагеря, понимая, что путь на сцену столичных театров ему закрыт, Л. Привалов остался в Петрозаводске, работал в Карельском республиканском театре музыкальной комедии, с 1942 г. — в Вологде, после войны снова вернулся в Петрозаводск, с конца 1954 г. жил в Москве.

В 1935 г. на Соловки из Медвежьегорска был переведен известный украинский режиссер-новатор Лесь Степанович Курбас (1887–3.11.1937), перед арестом режиссер театров «Березиль» (Харьков) и Малого театра «Игосэт» (Москва). При нем произошел последний «всплеск» театральной жизни на Соловках. Курбасом были поставлены «Женитьба Фигаро» Бомарше, «Ученик дьявола» Шоу, «Коварство и любовь» Шиллера, «Интервенция» Славина, «Аристократы»

Я. Андронников

Погодина. В театре играли такие профессиональные актеры, как Валентин Циплевский, Станислав Сенкевич, Иван Русинов, Яссе Андронников и др.

Следует поподробнее рассказать об Яссе Николаевиче Андронникове (1893–7.10.1937), так как встречающиеся о нем сведения не точны или не верны. Это был очень одаренный человек, наделенный многими талантами. Родился в Тбилиси в княжеской семье (его мать была племянницей поэта А. Плещеева, сестра — Саломея Андронникова, известная петербургская красавица, муза знаменитых поэтов и художников — ее портреты писали М. Сомов, А. Сорин, Б. Григорьев, ей посвящали стихи А. Ахматова и О. Мандельштам, ее подругой была М. Цветаева). Яссе закончил юридический факультет Петербургского университета, участвовал в Первой мировой войне, был ранен, награжден Георгиевским крестом. В Гражданскую войну, к которой относился очень отрицательно, воевал на стороне белых. После нескольких арестов он в 1921 г. переехал в Москву, стал работать в театре актером и танцором, постепенно приобретая известность в артистических кругах, и даже получил место постоянного преподавателя современного танца и пластики в ГИТИСе. В 1920-е гг. Андронников много гастролировал с театром

⁴⁰ Там же. Д. 654. Л. 201, 201 об.

⁴¹ Письмо В.Ф. Федорова, архив А. Сопиной.

по стране, пробовал себя и в режиссуре. Он был хорошим поэтом, стихи писал с самой ранней юности и до конца жизни. Вот отрывок из его эпиграммы на себя:

Талантливый юрист, танцор и офицер,
Отлично скроенный, хоть бывший,

все же князь.

Спортсмен, пленяющий изяществом манер,
Умеющий грустить, над книгой наклонясь,
Владеющий пером, гитарой, пистолетом...

В 1932 г. Яссе был арестован в Тбилиси, где гостил у сестры, после встречи с французским журналистом и обвиненный в шпионаже в пользу Франции выслан в Узбекистан на десять лет, откуда в 1934 г. был отправлен на Соловки, но по дороге заболел и на остров попал только в 1936 г. Из лагеря он писал матери: «Работаю здесь в театре режиссером, хотя и внештатным, по простой причине — штатов таких нет. Одни меня здесь артисты очень любят и ценят высоко, но другие, главным образом из руководящего состава искусства, по тем же причинам ненавидят. Театр везде — театр, со всеми его радостями, горестями и гадостями...» Поссорившись с Л. Курбасом и Л. Приваловым, был отправлен на дальнюю командировку, откуда писал: «Энергии у меня, сама знаешь, непочатый край, а талантами ты меня снабдила тоже невредными. Я спокойно набираюсь сил и творческой зарядки для будущего, в которое твердо верю...»⁴² Мечтам и надеждам Яссе Николаевича не суждено было сбыться, он был расстрелян в Сандармохе. Остался его единственный сын Константин, которого совсем маленьким в 1920 г. жена вывезла в Париж. Он стал философом-теологом, деканом Института православного богословия Святого Сергия в Париже, занимался переводами с английского и русского языков, одно время работал переводчиком у Шарля де Голля. Сейчас во Франции живут внуки и правнуки Яссе, которые по крупицам собрали о нем материалы и издали замечательную книгу.

Так же, как Лесь Курбас и Яссе Андроников, в Соловецкой тюрьме были расстреляны: музыканты Леонид Сергеевич Илясов (1912–1.11.1937) из Москвы, Александр Овсеевич Вайн (1910–2.11.1937); композитор Антон Антонович Гриневич (1877–8.12.1937); кинорежиссер Союзкино Казимир Иванович Дудкевич (1908–3.11.1937), артист Малого театра в Москве Владимир Владимирович Головин

⁴² Андроников Я. «Я просто шел, не ведая куда...» Повествование в письмах и стихах. СПб., 2009. С. 147, 150.

(1906–8.12.1937), актер современного Рабочего театра из Москвы Станислав Станиславович Сенкевич (1913–8.12.1937); актер, режиссер, перед арестом — директор государственных театров в Москве Дмитрий Дмитриевич Ровинский (1892–3.11.1937); два совсем молодых, но очень талантливых брата Клинге из Ленинграда музыкант и пианист Виктор Александрович (1917–27.10.1937) и художник Анатолий Александрович (1916–3.11.1937).

В рамках статьи невозможно рассказать о многих, чей талант и творчество бессмысленно и безжалостно были загублены террором. Но в последние годы появляется множество публикаций, посвященных как отдельным персоналиям, так и целым направлениям в рамках этой тематики⁴³.

Сошина Антонина Алексеевна

Родилась в 1948 г. в Каргополе Архангельской области. Выпускница исторического факультета АГПИ (ныне Поморский государственный университет) им. М.В. Ломоносова. С 1969 по 1994 г. работала научным сотрудником Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. С 1994 г. — сотрудник Церковно-археологического кабинета Соловецкого монастыря.

⁴³ Поэзия узников ГУЛАГа. Антология. М., 2005; Кузякина Н.Б. Театр на Соловках. 1923–1937. СПб., 2009; Валаев Р. Лесь Курбас на Соловках // Театральная жизнь. 1989. № 7. С. 25–27; Викентьев И. Юбилей Пушкина в Соловецком лагере в 1937 г. // Христианская культура: Пушкинская эпоха. СПб., 1999. С. 121–124; Васильев Г. Встречи с Юрием Алексеевичем Казарновским // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 6. Архангельск; М., 2007. С. 194–197.